

78-й
выпуск

— Андрей Павлович, расскажите о вашей последней работе.

— Если вы имеете в виду «Петра Первого», то эту работу нельзя назвать последней. Параллельно с оперой я писал музыку к советско-американскому фильму «Синяя птица». В этой картине довольно много песен и несколько танцевальных номеров с участием Нади Павловой. Это не мюзикл, хотя по количеству вокальных номеров фильм и приближается к мюзиклу, но хореография «Синей птицы» скромнее, чем принято в фильмах этого жанра. Песни разные по характеру, некоторые принадлежат (и исполняются) определенным действующим лицам, — например, «Песня о материнской любви» (ее поет Элизабет Тейлор), «Песня бабушки и дедушки», «Песня-путешествие», «Песня дуба», «Песня об умерших птицах». У них всех общая атмосфера — поэтической сказки. Тексты к песням поэт Тони Харрисон написал в несколько философском плане, с легкой иронией. Писал он, естественно, по-английски, что создавало для меня дополнительную трудность. Словом, эта работа оказалась куда более сложной, чем я предполагал, когда за нее брался. Премьера фильма, очевидно, состоится весной 1976 года, почти одновременно у нас и в США.

— «Синяя птица» и «Петр Первый»... Даже трудно представить, как две диаметрально противоположные темы можно разрабатывать параллельно! И вообще, историческая тема, да еще воплощенная в жанре оперы, несколько неожиданна в вашем творчестве.

— Согласитесь, что эпоха Петра I — одна из интереснейших страниц русской истории. Есть исторические периоды, обращение к которым при всем желании, даже если применить самые современные формы, не дает возможности создать современное произведение. Но в данном случае сама бурная историческая эпоха несет импульсы, которые будоражат мысль, заставляя думать о том, что волнует нас сегодня. Тут и борьба за прогресс, и стремление к просвещению и, выражаясь современным языком, к международным контактам, не говоря уже о теме героико-патриотической. Сама тема заставляла строить музыкальную драматургию на острых конфликтах жестокости и доброты, трагедии и триумфов побед, разумеется, акцентируя на тех событиях, которые сделали Петра Великим. Петр в опере — молодой, полный сил, идей и жажды их осуществить. Должен сказать, что фигура Петра меня особенно привлекала — сколько ярких красок было в этой талантливой и противоречивой натуре! Нам, авторам спектакля, хотелось создать произведение оптимистическое. Потому что в конечном итоге вся деятельность моего героя проникнута верой в будущее России.

— Очевидно, глубокие, философские темы требуют очень сложной музыкальной драматургии. Историческая опера — это ведь не опера о любви!

— Да. И поэтому вначале либретто, написанное постановщиками Натальей Касаткиной и Владимиром Васильевым, растягивалось на трех-четырёхсерийную оперу. Но затем, чуть-чуть сместив последовательность со-

бытий (историки, с которыми мы постоянно консультировались, не возражали, сказали, что в данном случае это допустимо), мы выделили период от восточества Петра на престол до его первой победы над шведами. Иначе просто невозможно было вместиться в один спектакль.

— Не намереваетесь ли вы еще вернуться к опере?

— Этот жанр меня очень заинтересовал. Прежде я относился к опере скептически; по правде говоря, мне казалось, что она себя исчерпала. Отдельные вальсы: «Катерина Измайлова» Шостаковича, «Война и мир» Прокофьева, думал я, — лишь исключения, а сам жанр по своей природе противоречит новым формам искусства — кино, обновленному театру. Однако постепенно, наблюдая за развитием

непросто, потому что сейчас в симфонической и камерной музыке сосуществует множество течений, школ, систем, и выделить нечто общее трудно. Но одно можно сказать определенно: системы, в основу которых были положены абстрактные задачи экспериментов со звуком, с техникой, себя исчерпали. То есть стало ясно, что все возможное в этом направлении сделано, все выжато. Путь завел в тупик. Однако даже в этом формальном поиске можно обнаружить нечто положительное: палитра композиторской техники за последнее десятилетие очень обогатилась. Композиторы открыли средства и приемы выразительности, о которых прежде и не подозревали. Правда, находки в средствах и приемах еще не трансформировались в художественный результат. Но

В первое время наши композиторы и исполнители обращались к биг-биту довольно робко, в основном копируя зарубежные образцы. Однако сейчас появились оригинальные вещи. Например, зонг-опера Александра Журбина «Орфей и Эвридика» или музыка Александра Градского к фильму «Романс о влюбленных».

— Андрей Павлович, вы недавно вернулись из путешествия в США; расскажите о последних новинках американской музыки.

— К сожалению, впечатления о современной американской серьезной музыке мне получить не удалось. Я был в Соединенных Штатах с делегацией Всесоюзного агентства по авторским правам на музыкальной ярмарке в Лас-Вегасе, несколько дней провел в Нью-Йорке, где, собственно, и рассчитывал кое-что серьезное послушать. Но как раз в эти дни на Бродвее происходила забастовка, и все зрелищные предприятия были закрыты. Не состоялась, например, премьера новой рок-оперы, с которой мне очень интересно было бы познакомиться.

— А на ярмарке?

— Кроме симфонической (ее репутация необычайно высока и прочна), хоровая музыка — и современная, и народная. За границей ценят особый, ярко выраженный стиль нашей многонациональной хоровой культуры, основанной на глубоких народных традициях. Большой интерес вызывают музыка для детей и музыкальная педагогическая литература. Пользуются спросом произведения для духовых оркестров. Каждый уважающий себя американский колледж имеет свой такой оркестр, и, надо сказать, исполнительская культура у многих из этих оркестров — на весьма приличном уровне. Это духовые оркестры, обогащенные ударными инструментами, саксофонами, валторнами, гобоями, фаготами; они исполняют симфо-

АНДРЕЙ

Все знают «А я иду, шагаю по Москве», и «Друг мой, третье мое плечо», и вальс из «Берегись автомобиля», и еще множество мелодий, написанных ленинградским композитором, заслуженным деятелем искусств РСФСР

Андреем Петровым для кино.

За музыку и песни к кинофильмам композитор удостоен Государственной премии СССР. Недавно на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова состоялась премьера оперы Андрея Петрова «Петр Первый». Сегодня Андрей Павлович — гость 13-й страницы

современного музыкального театра, я понял, что композиторы сейчас не случайно так часто обращаются к слову. Слово в сочетании с музыкой приобретает все большее значение. Оно необходимо композитору, чтобы точнее выразить свою идею. Возьмите Шостаковича, который писал чисто симфоническую музыку, а в последние годы жизни прибегал к новым формам, создавал ряд произведений с использованием стихов.

Теперь я убежден, что опера должна пережить свой ренессанс, разумеется, в обновленном виде, впитав в себя некоторые принципиально важные завоевания лучших мюзиклов, таких, как «Вестсайдская история» или рок-опера «Иисус Христос — суверен». Но нельзя забывать, что мюзикл не все способен выразить; есть темы, которые по силам только опере. Лучшие оперные произведения русских и советских композиторов убеждают в жизнеспособности этого жанра. Конечно, оперный ренессанс возможен лишь при наличии современно мыслящих постановщиков, дирижеров, певцов, способных воплотить замыслы композиторов. И не только их, но и художников-декораторов, художников-костюмеров, от которых зависит очень многое.

— Как вы относитесь к тенденциям моды в музыке?

— В серьезной музыке?

— Да, ведь в легкой музыке модные увлечения часто слишком броски и поверхностны.

— В отношении серьезной музыки мы если и говорим о моде, то обычно в отрицательном смысле, как об увлечениях чисто внешних, чаще всего эпатирующих слушателей. В данном случае уместнее говорить о характерных тенденциях в музыке середины 70-х годов. Каковы эти тенденции — коротко рассказав

ПЕТРОВ

ведь и открытие атомного ядра не сразу привело к полезным практическим результатам.

Сейчас композиторы, используя новые средства и приемы выражения, обогащая их палитру, возвращаются к мелодическому началу, к народной музыке. Эту тенденцию легко проследить, например, в современной польской музыке на творческой эволюции такого, скажем, талантливого композитора, как К. Пендерецкий. Последние фестивали «Варшавская музыкальная осень» убедительно продемонстрировали, как преодолевается увлечение внешним, формальным.

— А как вы относитесь к биг-биту?

— В этом явлении много интересного: острые ритмы, экспрессия, агрессивность исполнительской подачи. Понятно, что все это не может не захватить молодежь и этим нельзя пренебрегать.

ническую музыку, свой репертуар охотно пополняют произведениями советских композиторов. Американцы проявляют интерес к нашей современной песне; популярный певец Пол Анка, например, решил включить лучшие советские шлягеры в свой репертуар. Кроме того, сейчас большое распространение получила так называемая фоновая музыка. В аэропортах, универсамах, в рабочих кабинетах, в кафе, дома постоянно звучит спокойная, негромкая (принят даже такой термин — «комфортная») музыка. Это, как мягкая подсветка в помещении, — для уюта, для комфорта. Тут могут звучать джазовые, инструментальные мелодии, песни — лишь бы все это не носило слишком экспрессивного характера.

— Андрей Павлович, а вы дома, для души, что слушаете?

— Люблю симфоджаз.

— А себя, свои произведения, в своем исполнении вы любите слушать?

— Нет. Законченные вещи я вообще уже слушать не люблю. Тем более в собственном исполнении. Я ведь плохо играю на рояле... За роялем я только работаю, когда сочиняю легкую музыку, подумываю про себя.

— Какой у вас дома рояль?

— Фирмы «Петрофф». Между прочим, одному вашему коллеге, писавшему о премьере «Петра Первого», это дало повод для шуток: о Петре написал Петров, живущий на улице Петровской, в городе, заложенном Петром, да еще играя на рояле «Петрофф»...

— Ну, раз уж вы стали шутить, ответьте на последний, самый серьезный вопрос: как вы относитесь к числу 13?

— Бывали ситуации, когда выручало именно 13! А раз так, и я к 13, в частности к вашей 13-й странице, отношусь доброжелательно.

Гостя расспрашивала
Наталья КОЛЕСНИКОВА.

Сфотографировал А. Рикельман.